

УДК 821.161.1

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОРНЫЙ ПЕРСОНАЖ В ПОЭЗИИ В. С. ВЫСОЦКОГО

© Голдышенко Ольга Андреевна

студент, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: g.ol2017@yandex.ru

© Колмакова Оксана Анатольевна

доктор филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: post-oxygen@mail.ru

Исследование произведений В. С. Высоцкого в аспекте реализации мифо-фольклорной поэтики стало одним из направлений в изучении художественного наследия поэта. В данной статье рассматривается творческая интерпретация образов отрицательных персонажей и связанных с ними мотивов в лирике Высоцкого. Художественный мир фольклора в значительной степени демифологизируется в творчестве поэта, поскольку Высоцкий изображает особую реальность, где традиционные коннотации фольклорных образов уже не работают. Одним из активно используемых приемов у Высоцкого становится «остранение», которое, с одной стороны, создает для читателя (и слушателя песен барда) возможность «взгляда на себя со стороны», а с другой — позволяет автору воссоздать перевернутый, карнавальский мир, сигнализирующий об аномальности мира реального.

Ключевые слова: В. С. Высоцкий; фольклорность художественного произведения; карнавальский мир; персонаж; мотив.

Сегодня уже ни у кого не вызывает сомнений тезис В. В. Бакина о том, что «Высоцкий — это крупное художественное явление, требующее к себе научного отношения» [1, с. 655]. В настоящее время изучение наследия В. С. Высоцкого переживает расцвет, о чем свидетельствуют многочисленные научные статьи, монографии и диссертационные исследования последних лет¹.

¹ Бобина А. Г. Идиостиль Владимира Высоцкого: субъектная структура и хронотоп : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. М., 2013. 227 с.; Гавриков В. А. Лесковские традиции народной этимологии в творчестве В. С. Высоцкого // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 3. С. 103-110; Карпенко А. Маг черно-белой эпохи: о Владимире Высоцком // Зинзивер. 2014. № 4 (60); Кулагин А. В. Поэзия Высоцкого: творческая эволюция. Воронеж: Эхо, 2013. 230 с.; Митина А. А. Фразеологизмы в поэзии В. С. Высоцкого как фактор формирования языковой личности: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Рязань, 2015. 236 с.; Новиков В. «Все не так, ребята...»: Владимир Высоцкий в воспоминаниях друзей и коллег // Знамя. 2017. № 9; Сенкевич Г. А. Социальные мотивы в творчестве Владимира Высоцкого // Человек в мире культуры. 2015. № 3. С. 31-35; Сипкина Н. Я. «Военные» баллады в поэзии Р. Рождественского и В. Высоцкого (сравнительная поэтика стилей поэтов) в контексте литературного процесса 1970-х гг.: основные тенденции развития // Вестник КемГУ.

Исследователи уже отмечали, что в поэтике Высоцкого мифо-фольклорный пласт занимает значительное место [4; 5; 6]. Данная статья посвящена рассмотрению отрицательного фольклорного персонажа в поэтической интерпретации В. С. Высоцкого. Объектом нашего внимания стали те произведения поэта, в которых создается особый карнавальный мир, где леший может стать алкоголиком, а Кощей Бессмертный — несчастным влюбленным. Эти метаморфозы отрицательных персонажей фольклора обретают в стихотворениях Высоцкого глубокое символическое значение.

Так, в стихотворении «Запретили все цари всем царевичам...» (1967) иронически обыгрывается так называемый «еврейский вопрос». Очевидно, что под маской «злых царей» поэт прячет официальную власть, а «царевичи» символизируют рядовых советских граждан. Евреи в стихотворении Высоцкого обретают статус фольклорных персонажей за счет приема троекратности — речь идет о трех еврейских семьях (Гуревичи, Рабиновичи и Шифманы), в каждой — «три дочки, три сестры, три красавицы», с которыми связан фольклорный мотив сватовства царевичей.

О том, что мир текста карнавально перевернут, свидетельствует мотив навета: «опасаясь за царевичей», цари объявляют ни в чем неповинных дочерей Гуревича ведьмами и сжигают их. Теперь та же участь грозит дочерям Рабиновича, на которых переключили свое внимание царевичи. Однако тройная цепочка мотивов сватовства (Гуревичи — Рабиновичи — Шифманы) неожиданно обрывается автором: «Ну, а Шифманы смекнули — и Жмеринку // Вмиг покинули, — махнули в Америку» [2, с. 477]. Поскольку в советском массовом сознании «Америка» прочно ассоциировалась с «чужим» пространством, практически с загробным миром, в подтексте возникает уже не комический, а трагический контекст темы судьбы еврейского народа.

Обращаясь к сказочным мотивам, В. С. Высоцкий создает «антисказки». Такое определение дает сам автор в подзаголовке к песне «Лукоморья больше нет. Антисказка» (1967). Здесь Высоцкий ломает пушкинский сказочный мир, что заявлено уже в названии. Хронотоп и персонажи в песне остаются пушкинскими, но сюжет кардинально изменился и тяготеет, скорее, к фольклорному жанру «страшилок». В сказочных персонажах Высоцкого нетрудно угадать типические черты советского обывателя. Леший пьет и бьет свою жену Лешачиху «из-за рубля». Русалка родила от полка, а замуж вышла за Колдуна, потому что никто теперь с чужим ребенком не возьмет: «И пошла она к ему как в тюрьму» [2, с. 134]. Добрый молодец «Бабку Ведьму подпоил, // Ратный подвиг совершил, дом спалил» [2, с. 132]. Высоцкий далеко не случайно обращается к образам фольклорных персонажей, погружая их в современное бытовое пространство. Подобное «остранение» делает зло, которое воплощают отрицательные фольклорные герои, чем-то обыденным, постоянно присутствующим в жизни человека, что само по себе аномально.

В «Антисказке» Высоцкого добрый молодец становится злодеем, так же, как поэт в стихотворении «Препинаний и букв чародей» (1975), названный «лиходе-

ем». Черный юмор здесь сменяется горькой иронией. Поэт, создающий «горькие личные, // В мире лучшие строки», в глазах обывателя — чародей, лиходей, колдун, то есть вполне отрицательный персонаж, что опять-таки говорит о перевернутости ценностной шкалы этого мира.

В песне «Куплеты нечистой силы» (1974), написанной для кинофильма «Иван да Марья» (1974, реж. Б. Рыцарев), так же, как и в «Антисказке», фольклорные персонажи обытовлены. Бабе-Яге «надоело по лесу гонять», свои черные обязанности она исполняет плохо, как нерадивая хозяйка («зелье переварила»). Поэтому она не страшна так, как фольклорная, являющаяся символом зла.оборотень, изображенный в песне, также не страшен, а, скорее, жалок: «Хотел превратиться в дырявый плетень, // Да вот посередке запнулся» [2, с. 685]. Лешего с Водяным и вовсе перестали уважать. Например, Водяному собственная квартира надоела: там «мокро и сыро»; вот и лежит он, «злой и простуженный», «под корягой». Утопленники его «пяткой по рылу» бьют, не давая ему исполнять свои «прямые обязанности». Лешего предают свои же: Лешачиха «на мороз прогнала», «лишив лешевелюры», и с Водяным «шуры-муры» крутит. Сам В. С. Высоцкий так комментировал свое произведение: «На мои песни легла нагрузка: все время осовременивать, делать взаимоотношения узнаваемыми. Нечистая сила в фильме должна была выглядеть как хулиганы...» [3, с. 3]. Как видим, поэту удалось осуществить задуманное: сказка получилась вполне современной и обыватели легко могли узнать себя в фольклорных образах.

В последние годы в тестах Высоцкого одним из частотных становится образ черта, который демифологизируется, подобно другим представителям «нечистой силы» у поэта. Черт у Высоцкого — это более человек, чем «злой дух». Как утверждает Е. В. Купчик: «Такой подход автора к нечистой силе сродни тем народным представлениям о ней, которые отражены в славянском фольклоре, где злой дух в своем материальном воплощении скорее забавен, чем страшен» [6, с. 94]. В стихотворении «Слева бесы, справа бесы» (1979) в образе злых духов аллегорически обозначены люди: «Эти — с нар, а те — из кресел, — // Не поймешь, какие злей» [2, с. 619]. А. В. Кулагин сравнивает данное стихотворение с пушкинским «Мчатся тучи, вьются тучи» [5, с. 22]. Высоцкому так же, как и Пушкину, важен образ лирического героя и людей, которые его окружают. Центральным в стихотворении Высоцкого становится мотив блуждания: «И куда, в какие дали, // На какой еще маршрут // Нас с тобою эти вдали // По этапу поведут?» или «Что искать нам в этой жизни?» [2, с. 619-620].

Слишком конкретно и отчетливо здесь проступает социальное зло, присущее эпохе Высоцкого. Социальная тема подчеркнута бодрой «физкультурной» цитатой из «Спортивного марша» В. Лебедева-Кумача («Ну-ка, солнце, ярче брызни!»), известного и значимого в советское время. Стихи Высоцкого — о социальном и душевном тупике, выход из которого один — напиться до чертиков («Пей, дружище, если пьется»). Похоже, что и бесы в начальных строках — это всего лишь фантазия пьяного: «Слева бесы, справа бесы. // Нет, по новой мне налей!». Так, трагедия одного человека оборачивается трагедией целого поколения. Финальная фраза лирического героя «Со святыми упокой...» звучит горько-иронически, довершая мрачную картину созданной в стихотворении реальности.

Итак, поэзия В. С. Высоцкого — это, помимо всего прочего, активный диалог с фольклорной традицией. При этом поэт не обращается к стилизации, не стремится полностью раствориться в фольклорной стихии, но «внедряет» фольклорный материал в современную ему реальность, сохраняя дистанцию между собственной и фольклорной темой. Дистанция выдерживается за счет деавтоматизации жанра, демифологизации образа, трансформации сюжетных ситуаций, что придает текстам Высоцкого трагикомический эффект. Обращаясь к образам отрицательных фольклорных персонажей, поэт использует прием «отстранения», изображая зло как нечто обыденное для современного мира.

Литература

1. Бакин В. В. Неизвестный Высоцкий. Жизнь после смерти / В. В. Бакин. Москва : Эксмо, 2011. 687 с.
2. Высоцкий В. С. Собрание сочинений в одном томе / В. С. Высоцкий. Москва : Э, 2017. 922 с.
3. Высоцкий В. С. Монологи со сцены / В. С. Высоцкий. Харьков : Фолио, 2000. 208 с.
4. Копылова Н. И. Фольклорная ассоциация в поэзии В. С. Высоцкого / Н. И. Копылова // В. С. Высоцкий. Исследования и материалы. Воронеж, 1990. С. 74–95.
5. Кулагин А. Бесы и Моцарт. Пушкинские мотивы в поздней лирике Владимира Высоцкого / А. Кулагин // Лит. обозрение. 1993. № 3/4. С. 22–25.
6. Купчик Е. В. Бог и дьявол в песнях В. Высоцкого / Е. В. Купчик // Славянские духовные традиции Сибири. Тюмень, 1999. 187 с.

A FOLK ANTAGONIST IN THE POETRY OF VLADIMIR VYSOTSKY

Olga A. Goldyshenko

Student of Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia

Oksana A. Kolmakova

Doctor of Science in Philology, A/Professor
Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia

One of the directions in studying Vysotsky's artistic heritage is to study his works in terms of how mythical and folklore poetics is realized in them. The article examines the creative interpretation of antagonists' images and related motifs in Vysotsky's lyric poetry. The folklore artistic world is, to a great extent, demythologized in the poet's works, since Vysotsky portrays a special reality, where traditional connotations of folklore images no longer work. One of Vysotsky's most frequently used devices is "estranging", which, on the one hand, lets the reader (and the listener of the bard's songs) "look at oneself from a different angle". On the other hand, it allows the poet to recreate an inverted, carnival world, which shows the anomalies of the real one.

Keywords: Vladimir S. Vysotsky; folklore motifs in a work of literature; carnival world; character; motif.